

**PIPES R. VIXI. MEMOIRS OF A NON-BELONGER. NEW HAVEN; LONDON:
YALE UNIVERSITY PRESS, 2003 .**

**ПАЙПС Р. VIXI. МЕМУАРЫ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО. НЬЮ-ХЕЙВЕН; ЛОН-
ДОН: Изд-во Йельского университета, 2003**

Возможно то, что поражает в биографическом очерке выдающегося профессора русской истории и советника президента Рейгана по русским делам Ричарда Пайпса, это искренность. Редко в наш век политической корректности, когда писание является мастерством никого не обижаящим, неожиданно встречается такая открытость и интеллектуальная честность. Возможно, поэтому Ричард Пайпс называет свой биографический очерк «Я жил. Воспоминания Не принадлежащего». Конечно он принадлежал, как он сам допускает, ко многим сообществам, включая сообщество политических деятелей Вашингтона, к историческому сообществу, но то, что отмечало Ричарда Пайпса, была его непреклонная интеллектуальная честность. Он откровенно говорил о событиях и людях, и поэтому он не принадлежал. Он говорил что то, во что он верит, это право, и по этой причине не принадлежал к политически корректной, ищущей благосклонностей, должностных повышений и славы толпе. Интеллектуальная прямота, непреклонная честность и способность защитить свою точку зрения, сделали Ричарда Пайпса тем, кем он является сейчас, выдающейся личностью русских дел в Америке.

Это книга – история поиска новых идей, история людей, которых он встречал и с которыми работал, о законченных им работах. Многие люди также найдут в ней историю своего поколения – холокост, спокойное преуспевание 1950-х и американский переворот 1960-х гг. Обсужденные события в этой книге охватывают многое из XX века, начиная с 1939 до конца 1990-х гг. Мы узнаём об интеллектуальных дебатах о русской истории и о политической дороге, выработанной при Рейгане. Страницы книги разворачивают историю в хронологической перспективе, представляя живые портреты вовлеченных людей.

Рассказ начинается с бомбардировки Варшавы и потрясающего бегства из оккупированной нацистами Польши в октябре 1939 г. На этих мастерски написанных страницах можно увидеть нечто такое, что большинство американцев никогда не испытывали: бомбардировки городов, кровь и разрушение, страх неминуемой смерти, а затем последующее чудесное спасение. Его друзья и родственники, оставались ранеными в нацистских лагерях смерти, но он бежал. Для Ричарда Пайпса это должно было стать созидательным испытанием. Он чувствовал, что выжил не просто для того, чтобы строить карьеру и наслаждаться благами жизни, но для того, чтобы искать правду и бороться за нее, что бы это лично для него не значило. Он стал совершенно независим, непреклонен и откровенен, чтобы признать, что то, что ему пришлось потерять, ничто по сравнению с потерями миллионов других евреев, оставшихся в Европе.

Перевод с английского языка К.Ю. Москвиной.

Учась в маленьком колледже в Огайо по прибытии в Америку, молодой Пайпс заметил своеобразное свойство американцев, с которым он снова и снова сталкивался позднее, а именно склонность к неверию присутствия зла и желание приписывать другим позитивные характеристики, идентичные их собственным. Его преподаватели отказывались верить историям о зверствах нацистов и приписывали эти ужасы травмам недавнего беженца. Тремя десятилетиями позднее Пайпс столкнулся с тем же типом американской склонности приписывать умеренный здравомыслящий подход к политике Советов. «Они должны быть на пути, на котором и мы» – такова была типичная точка зрения. Пайпс назвал этот менталитет зеркальным отражением. Таким образом, устроен либеральный американский ум. Он стремится искать доброту в людях и другие взгляды, как противоположные, так, в сущности, и подобные им. Люди по природе воспринимаются с добрыми намерениями, и если кто-нибудь был к ним любезен, они бы вероятно ответили подобным же образом. Для либерального американского ума трудно представить, что могли существовать негодяи, которые были готовы уничтожить миллионы людей ради своих собственных глубоких убеждений.

Политическая карьера Пайпса, а к середине 70-х гг. он уже был признанным гарвардским профессором, началась в 1976 г. именно по этому вопросу, вопросу восприятия других. Его просили дать оценку наращивания советского ядерного потенциала для ЦРУ. Возглавляя группу, которая позже стала известна как «Команда В», Пайпс обнаружил, что в ЦРУ не понимали поведения Советов. По отношению к СССР в ЦРУ демонстрировали тот же тип умеренных мотиваций, являвшихся характерной чертой для Соединенных Штатов – зеркальное отражение. С типичной для Пайпса прямоотой он бросился в бой и в последующие долгие дебаты о характере целей Советов и подобающем ответе американской стороны в Холодной войне.

В своей книге Пайпс повторяет приведенные им главные аргументы. Он был убежден, что лидеры Советов не были рациональными либеральными джентльменами, занятыми поиском общего блага. Компромисс для них являлся, как учил Ленин, временным отступлением ради будущего наступления.

Капиталистический мир был врагом, потому как само его существование являлось угрозой монополии на власть коммунистической партии. В ядерной войне, если бы она случилась, Советский Союз должен был быть готов сражаться и победить.

Это заключение было по сути противоположным доминирующему либеральному взгляду, по которому Советский Союз должен был быть заинтересован в установлении мира.

Пайпс стал известен как радикальный консерватор, взаимодействующий с Комитетом по опасностям настоящего времени, объясняющий американской общественности последствия далеко идущих проектов брежневского Политбюро.

Избрание Рейгана продвинуло Пайпса, разделявшего взгляды президента, на должность главного эксперта по делам России. Как констатирует сам Пайпс, его главным вкладом было выражение американской политики по от-

ношению к Советскому Союзу в контексте нового консервативного динамизма Рейгана. Возможно здесь, в данный момент своей жизни, Пайпс сделал свой самый большой вклад в американскую политику и, может быть, в курс исторических событий. И вот почему.

В своей книге Пайпс объясняет, что доминирующая точка зрения и в советологическом сообществе, и в сообществе политических деятелей Соединенных Штатов заключалась в том, что Советский Союз доказал свою жизнеспособность. Коммунистическая система была здесь, чтобы остаться, и каждый должен был научиться жить с нею. Рейган и его команда были убеждены, что Советский Союз являлся злом, и коммунистической экспансии необходимо упорно сопротивляться. Следующим шагом являлась разработка определенной политики.

Именно Пайпс, причем он один, посредством тщательного анализа данных и, самое важное, некоторых решающих разведывательных данных из Советского Союза, пришел к ошеломляющему заключению, что советская экономика находилась в глубоком упадке. Коррупцированная бюрократия, ужасающая непроизводительность, цинизм населения, неуважение обычных людей по отношению к правителям и устаревшие догмы официальной идеологии, – все это стало доказательством факта, что коммунистическая система была больной, в самом деле неизлечимо больной. Это было подлинное открытие, о чем никто прежде не думал, или не был готов поверить этой картине. Более того, политические последствия этого открытия были громадными. Это означало, что Запад мог дать коммунизму маленький толчок к его неизбежному крушению. Похоже, что эта идея «маленького толчка» стала главным политическим кредо Пайпса. На практике это заключение подразумевало, что американской политике в отношении Советского Союза не следовало облегчать выживание Советов: не должны выдаваться кредиты, не должна поощряться торговля, и должен быть остановлен обмен технологиями. К этому времени в военных делах на базе того же принципа Пайпса был разработан знаменитый подход Рейгана, нацеленный на «переистощение» Советов: СССР не мог бы позволить себе соревнование, что обеспечило бы дополнительный толчок к его краху.

Пайпс описывает, как было сложно проводить политику, даже если президент поддерживал ее в принципе. В реальном мире были экономические интересы, зависящие от доходов и русских рынков. Более того, европейцы нуждались в советском газе и нефти, и были полны желания построить трубопровод, приносящий для Советов миллиарды. Стабильный поток западных нефтедолларов мог спасти советскую экономику от неминуемого коллапса на значительный период времени. Пайпс описывал мучительный процесс принятия решения при Рейгане: как избежать противодействия союзников и в то же время положить конец притоку капитала и технологическому трансферу в Советы.

Для знакомых с американской политикой или заинтересованных в ней, книга предлагает замечательную возможность проникновения в становление внешней политики. Изумительно, до какой степени в процессе принятия решения были важны личные амбиции и подозрительность. Команда Рей-

гана, несмотря на то обстоятельство, что большинство людей, мыслящих в подобных политических терминах, были единомышленниками, была все же направляема завистью и интригой. Босс Пайпса Ричард Аллен настаивал на том, что не существовало ни одного доклада, написанного Пайпсом, который не достиг бы кабинета президента. Соперничество между Советом Национальной Безопасности и Государственным Департаментом было просто непродуктивным. Александр Хейг, согласно Пайпсу, был поглощен только своим продвижением по служебной лестнице Государственного Департамента. Пайпс предполагает, что Хейг боялся прецедента, имевшего место при Киссинджере, и потому он больше заботился не о напряженности в отношении с Советами, а о перспективах Государственного Департамента в его борьбе с политикой Совета Национальной Безопасности.

Любому заинтересованному американской политикой следует прочесть описание заседаний Совета Национальной Безопасности в книге. Пайпс честен в оценке многих выдающихся личностях: здесь Хейг с его «Я в ответе», либеральный Шульц, объясняющий как следует искать сотрудничества с Советами, президент Джордж Г. Буш (старший), отвергавший все рейгеновское, как только он пришел к власти. Здесь же Киссинджер, убежденный в своей праведности и превосходстве. Это замечательная галерея портретов американских политиков.

Возвращаясь к Гарварду, Пайпс обнаружил, что жизнь за пределами кольцевой дороги в Вашингтоне была более сложной для него, чем он ожидал. Он принимал участие в государственных решениях, он делал политику Соединенных Штатов, а теперь он должен был сортировать бумаги и объяснять наивным первокурсникам, кем были Ленин и Сталин. С другой стороны, Пайпс осознавал, что он также не мог оставаться в Вашингтоне. Некоторые из его оставшихся подчиненных сделали выдающуюся карьеру. Но он не смог, так как был одиночкой, потому что он был вынужден говорить откровенно и пережил тяжелое время, играя в политические игры, особенно, когда от него требовали угодить кому-нибудь или сохранять молчание.

Пайпс признает, что его связь с Гарвардом ослабела, и он погрузился в научную и учебную работу с новой силой. Тем, что послужило для него источником огромного вдохновения, было то, что советский кризис, который он один определяет с 1981 г., теперь стал очевидным для каждого, кто желал видеть. 1989 – 1991 гг. стали упадком коммунизма как системы, империи и идеологии, и это было главным подтверждением того, что Пайпс был прав, что он увидел нечто, что не увидели другие, и что он рекомендовал политику, которая доказала свою правильность и сыграла роль в падении коммунизма. Немногие люди имели внутреннее удовлетворение такого рода. Пайпс мог заслуженно гордиться своим прогнозом и предвидением.

Увы, либералы, симпатизирующие Советам, достигли пика умиротворения советского режима именно в то время, когда тот готов был разрушиться. Это вторая битва Пайпса, битва с так называемыми ревизионистами. Биография Ричарда Пайпса была бы неполной без понимания его как историка. Для большинства людей дебаты по русской истории не являются главными

ми в их жизни, и американская внешняя политика вырисовывается как нечто намного большее. Однако существенно важно понимать, что соответствующее понимание Пайпсом советского режима основано на его понимании России как страны, как культуры и как цивилизации. В этой области Пайпс также временно стоял один и создал свою собственную исследовательскую школу, которая в области советологии стала известна под названием «ревизионисты».

Главная идея Пайпса об истории России, впервые выраженная в его книге «Россия при старом режиме», заключается в том, что Россия никогда не знала частной собственности. Вместо этого развился так называемый патримонильный режим, чья сущность заключалась почти в тотальном контроле царя над всеми подданными и их собственностью. Это привело к формированию несбалансированного общества без сильного инициативного класса и отсутствию гражданских свобод. В результате политические убеждения сосредоточены не на аргументах о правах и обязанностях, а на мечтаниях о революции деструктивной радикальной интеллигенции.

В своей книге «Русская революция» Пайпс продолжил это рассуждение, показывая что русская революция в действительности являлась не революцией, а коллапсом. Как только царь был свергнут, все началось рушиться, в том числе власть и моральные ограничения. Страна скользила в хаос и всеобщую драку. Она находилась в такой атмосфере, что группа решительных революционеров захватила власть, и начался долгий процесс, который Пайпс назвал покорением России.

Картина русской революции не была совместима со взглядом тех, кто предпочитал видеть Россию как жертву западного марксизма, который разрушил мать-Россию. Не было это предвидение и по вкусу либерализму, который предпочитал видеть русскую революцию как триумф освобожденных масс, избавившихся от деспотизма.

Пайпс начал долгую борьбу с ревизионистами, называющими себя так потому, что верили, что они пересматривают утверждение, согласно которому коммунизм являлся тоталитарной системой. В многочисленных книгах ревизионисты пытались доказать, что тоталитаризм не был злом, что на самом деле он не осуществлял тотальный контроль, и что народ был вовлечен в управление. Для Пайпса это были главным образом проекции зеркального отражения желания видеть Советский Союз подобным Соединенным Штатам, как нормальное общество, где народ сделал революцию – как в Соединенных Штатах.

Пайпс указывал, что этот менталитет возник из нечистой совести либералов во время Холодной войны в контексте движения 1960-х гг. за гражданские права. Худшим было то, что они не были заинтересованы в дебатах. Они подвергли Пайпса и его работы оскорблениям. Ревизионисты в огромном количестве книг, статей, дипломных студенческих работ доказывали, что террор при Сталине не был таким уж злом, что простые люди делали карьеры, что образование улучшалось, и что крестьяне были счастливы. Ревизионисты просто проецировали свои либеральные устремления на коммунистический аппарат Советов. Пайпс и те, кто считал себя его последователями,

усилено боролись против этих фантазий. Да, там было преуспевание, но над мертвыми телами расстрелянных, да, там было участие в государственных делах, но под бдительным оком КГБ.

Если бы кто-то должен был сравнить «Русскую революцию» Пайпса и его «Россию при большевистском режиме» с книгами Шейлы Фицпатрик, одним из главных ревизионистских идеологов, с Уильямом Розенбергом, Александром Рабиновичем и тому подобными, был бы поражен их интеллектуальным расхождением. Ревизионисты, следуя советским официальным источникам, писали о пролетарском самосознании рабочих классов России, народной демократии при Советах и новых образовательных возможностях. «Большевистская революция» Пайпса сообщала о беспощадном Красном Терроре, убийстве императорской семьи по приказу Ленина, крестьянских восстаниях, твердом и верном завоевании России новым режимом. Ревизионисты старались узаконить коммунистический режим, представляя его как происходящий из народной революции. Но для Пайпса победа большевиков была другим подтверждением его тезиса, что в России отсутствовало гражданское общество, и что русские крестьяне могли быть подавлены силой, когда там не было царя.

Споры о строительстве советского режима между школой Пайпса и ревизионистами были в то время лишь продолжением их разного понимания начала советского коммунизма. Либеральные доброжелатели Советов предлагали видеть советских бюрократов как разумных людей, желающих модернизировать страну, которая в конечном итоге уподобится Соединенным Штатам. Пайпс видел в них страх потерять власть, готовность применить насилие и желание одолеть западного противника когда и где представится сама возможность. Ревизионисты видели Советский Союз развивающимся и становящимся сильнее, Пайпс видел его вырождающимся и упадочным, неспособным разрешить свою собственную идеологическую косность, командную структуру и репрессивный характер, и поэтому опасный в своем падении. В 1991 г. история показала, кто был прав.

В «Я жил» мы имеем большее, чем историю жизни гордого американиста. У нас теперь есть объяснение одного из решающих вопросов XX столетия – вопроса о характере коммунизма и причинах его падения.

Владимир Н. БРОВКИН